

УДК 37.018.1

СТРАНА МОЯ — СУДЬБА МОЯ

Ш.М. Чабдаров, академик АН РТ

В более чем полувековой череде юбилеев Победы в Великой Отечественной войне, отмечаемых с благодарностью к ветеранам войны и тыла, обеспечившим эту Победу, в обществе зреет осознание и еще одного аспекта самоотверженности и неявного героизма поколения победителей, семейным примером и трудом взрастивших детей военного времени, а также и эффективности государственных мер по преодолению массовой послевоенной безпризорности оставшихся без родителей подростков.

«Дети военного времени» — это, думается, обширное разновозрастное поколение советских людей, у которых детские или подростковые этапы вхождения во взрослую жизнь пришлись на двадцатилетие предвоенных, военных и непосредственно послевоенных лет. В эти сложнейшие годы именно поколение победителей вырастило готовых принять эстафету завершения восстановления страны и обеспечить ее проникновение в глубины атома и взлет до космических высот.

Современной благополучной молодежи даже представить сложно ставшие для нее объектом зачастую неинтересной истории недетские обстоятельства детства и отрочества старшего поколения с его стремлением к учебному труду и высокому профессионализму, тем более что в современной литературе, на телевидении и в Интернете это не находит должного внимания. Пересохли и заболотились полноводные в те годы реки высоконравственных произведений искусства для детей и юношес-

тва, во все времена необходимые для интеллектуально-духовного здоровья общества, будь его экономика рыночной, инновационной или основанной на знаниях и умениях, которые, как и полузабытая честь, формируются смолоду.

В этой связи можно, в частности, считать, что впечатления и даже отрывочные воспоминания «детей военного времени» об обстоятельствах и, главное, конкретных судьбах близких им людей того периода представляют общественный интерес. Поэтому автор и осмелился представить нижеследующие заметки касательно непосредственных участников войны и тружеников тыла, беззаветно отдавших жизнь и здоровье делу Победы и будущим поколениям.

О людях и обстоятельствах военных времен

Как и все советские семьи, наша потеряла непосредственно на войне несколько братьев, из которых уместно назвать двоих. Это окончивший непосредственно перед войной КИСИ мой дядя — Чабдаров Якуб Зиганшевич, погибший под Сталинградом, не успев завести семью, и мой папа — Чабдаров Мидхат Зиганшевич, 1910 г. рождения, окончивший КГМИ в 1938 г. по специальности «Лечебное дело» и призванный перед началом войны с Финляндией в Рабоче-крестьянскую Красную Армию в подразделение химзащиты.

Надо отметить, что поскольку оба они, как и воспитавший меня впоследствии младший папин брат — Чабдаров Мухтар Зиганшевич — были из чисто-

польских служащих, каждый из них для получения права на высшее образование должен был поработать рабочим на Бондюжском химзаводе и только затем, вначале окончив техникум или «рабфак» по выбранной специальности, могли поступать в соответствующий вуз. Согласно этой траектории папа, набрав рабочий стаж, получив специальность «зубтехника» и поработав в заводской больнице Бондюжского завода, смог в 1932 г. поступить в КГМИ.

Первое неясное воспоминание об отце четырехлетнего ребенка связано с обликом заботливого взрослого, который, по рассказам родных, откачал меня, достав почти бездыханным из затопленного тальми водами погреба Нурлатской больницы, где после института папа работал, а мы жили в здании больницы. Если верить корифеям знахарства, что возвращение из небытия вознаграждается новыми свойствами личности, получается, что родители дважды дали сыну путевку в жизнь.

Гораздо более ясные воспоминания о папе и его отеческой заботе связаны с его возвращением с Финской войны, о которой в то время не принято было много говорить. Потрепанные в этой войне войсковые части были, в частности, размещены в Вольских военных лагерях под Саратовом. Как боевой офицер-военврач 3-го ранга, папа получил там первую и единственную в жизни квартиру. Он перевез туда нас с мамой, и это были несколько месяцев счастливой жизни, о которых остались незабываемые впечатления и единственная наша с папой фотография. Я тогда очень сожалел, что на ней нет конкретных атрибутов мальчишеского счастья: подаренных папой трехколесного велосипеда и весьма распространенной в те годы игрушки — ярко раскрашенного заводного мотоцикла с коляской и с завидным шлемом сидящего за рулем жестяного мотоциклиста. Это были первые и последние несамодельные игрушки детства...

На второй день объявления войны папина воинская часть, оператив-

но сформированная на химполигоне Шеханы, была погружена в железнодорожный состав, по тому времени состоявший из грузовых вагонов с нарами из свежих неструганных досок. Мы с мамой грустно и тревожно провожали этот поезд, стоя на перроне полустанка вместе с небольшой группой членов офицерских семей. На всю жизнь врезался в детскую память внешне незначительный эпизод, связанный с приготовленным папе в дорогу какао, доверху налитом в армейскую алюминиевую фляжку. Папин состав стоял примерно на третьем-четвертом пути от перрона, других составов на полустанке не было. Поэтому я, шаловливо игнорируя мамины запреты, но вдохновляемый папиными любящими взглядами, несколько раз перебежал через рельсовые пути и, еле дотягиваясь до папиных рук из-за большой высоты до пола теплушки, делал несколько глотков еще теплого какао. Это были последние минуты нашего общения.

Символическая связь времен — в похожих на папины теплушках с нарами в 1956 г. в составе студенческих отрядов нас перевозили на целину, что для многих тогда означало не дискомфорт, а привет из военных лет.

В первые месяцы войны родители регулярно обменивались письмами, и у меня сохранились в памяти общеизвестные треугольники писем с фронта, из которых зачитывались непременно отцовские приветы и наставления быть честным, трудолюбивым и образованным, помогать маме и слушаться ее, а также и то, что я писал крупными печатными буквами «письма папе».

Но уже к осени 1941 г. ответные письма с фронта перестали приходить. Как рассказывали спустя годы старшие, в 1943 г. их отыскал после своего излечения от ран в одном из многих занимавших тогда лучшие здания школ и вузов казанских госпиталей, немногословный человек в военной форме и передал конверт с надписанным папиным почерком казанским адресом, но пустой... Лишь сорок лет спустя удалось с

трудом выяснить в Центральном архиве Минобороны, что «военврач 3-го ранга 48-го отдельного батальона химзащиты пропал без вести в августе 1941 года». И все эти годы были наполнены ожиданием.

Эта драматичная неизвестность о папиной судьбе истязала маму всю войну, усугубляя трудности одинокой женщины. Она, работая на двух низкооплачиваемых работах в дневное и ночное время, очень переживала от невозможности обеспечить полноценное питание и всячески старалась уменьшить влияние улицы на круглосуточно предоставленного самому себе и потому весьма хулиганистого сына. Видимо поэтому она постаралась пристроить шестилетнего сына в школу, благо читать и писать он умел, а в школе тогда были бесплатные завтраки. Но появилась новая забота — контроль за его учебной.

Отметим, что подобные трудности имели место в течение двух войн — финской кампании и всего периода Великой Отечественной, при этом мама не имела специального образования.

Последнее было вызвано известной графой в анкете: мама — Вагапова Сажида Зиятдиновна была «из служащих» и более того — ее отец держал до революции в Казани магазин электротоваров. Он был вхож в круги татарской творческой интеллигенции и был дальним родственником Амирхановых, Апанаевых, Ибрагимова. Отказавшись от предложения органов НКВД о сотрудничестве, был вынужден покончить с собой. Поэтому мама не могла получить специального образования в Казани, как и ее родной брат — Вагапов Риза Зиятдинович, которого сразу после семейной трагедии отчислили из 2-й гимназии, где он учился и вел радиокружок. Впоследствии он все-таки сумел окончить электротехникум в далеком Ташкенте и по иронии судьбы стал ценным радиоспециалистом с офицерскими званиями в системе НКВД. Во время финской кампании и Великой Отечественной войны, работая в Подмоскowie,

он внес отмеченный командованием вклад в дело Победы. Спустя много лет он рассказывал, как они всего втроем обеспечивали закрытую радиосвязь с «нужными людьми» за океаном с ретрансляцией через Танжер.

В отличие от своего брата, мама, оставшаяся без профессионального образования, в годы войны работала счетоводом на Мальтозно-паточном заводе, а в ночное время неофициально исполняла заказы на кустарное изготовление цветастых женских платков, раскрашивая белую ткань, натянутую на метрового размера пяльцы, цветной тушью с помощью стеклянных чертежных трубочек. (Нет худа без добра — в последующем ее сыну-первокурснику КАИ были хорошо известны приемы работы с тушью при калькировании чертежей). Эти заказы оплачивал сосед по дому на ул. Волкова, в котором мама снимала комнату размером 16 м², а упомянутый сосед, будучи директором магазина «на Проломной» (ныне — ул. Баумана), приторговывал и «левым» товаром, а выручку присваивал.

В военное время мама работала без отпусков и дней отдыха, что вкуче с хроническим недоеданием и тревогой за мужа подорвало ее здоровье и она скончалась на 36-м году жизни в апреле 1945 г., не дожив до Победы всего один месяц, так и не узнав ничего о судьбе мужа, которого ждала до последнего часа. Это одна из миллионов жертв войны.

Завершая эти детские воспоминания, нужно сказать, что, прожив без малого столько лет, сколько военной судьбой было отпущено моим родителям в сумме, я постоянно ощущаю ответственность перед светлой памятью этих замечательно чистых, самоотверженно трудолюбивых родных людей, как все их поколение, мечтавших о счастливой продолжительной жизни, которой они были трагически лишены.

**Воспоминания о людях
и обстоятельствах послевоенных
лет восстановления страны**

Победоносное завершение войны для государства и многих миллионов

советских семей оказалось связанным с проблемой воспитания детей, оставшихся без родителей. У всех, даже получивших извещения о «павших смертью храбрых при выполнении воинского долга», которые кратко называли «похоронками», еще долго теплилась призрачная надежда на возвращение своих родных, но реальность требовала безотлагательных решений.

Во время болезни мамы и после ее смерти я несколько месяцев временно жил в семье полковника медслужбы Ф.Л. Лукманова. Фазыл Лукманович, будучи заведующим отделением Казанского гарнизонного госпиталя, круглосуточно был занят там и консультировал в других госпиталях. Обо мне и двух дочерях заботились его жена — София Зиятдиновна, мамина старшая сестра, и незабвенная бабушка Нафиса. В начале мая для долговременных решений приехали в Казань готовые меня воспитать упоминавшиеся выше дядя Риза и дядя Мухтар. Поскольку папа в перерыве между финской и германской войнами просил своего младшего брата Мухтара позаботиться о сыне, меня отдали Мухтару абый в г. Дзержинск Горьковской области. В результате мы с Мухтаром абый отправились на пароходе в Горький 8-го мая 1945г. и о капитуляции Германии узнали на пристани города Чебоксары, где на высоком берегу уже ликовало огромное количество людей. Судьба распорядилась так, что первый в жизни мальчика праздничный тост за День Победы пришелся именно на 9 мая 1945 г.

Думается, что непростая и типичная для работников оборонных производств судьба заменившего мне отца дяди достойна краткого описания дословными фрагментами его автобиографии:

«По окончании семилетки, учась и одновременно работая на Бондюжском химзаводе им.Карпова, в 1933 году окончил хим.техникум, откуда по направлению завода начал учебу в КХТИ.

В 1934 году, в связи с напряженной обстановкой на Дальнем Востоке, нас,

студентов-ребят, мобилизовали в Красную Армию. Прослужив в ОКДВА в качестве бойца, курсанта полковой школы и командиром хим. взвода, в 1936 году вернулся в Казань и продолжил учебу в КХТИ. В 1941 году, за 10 дней до начала войны, защитил диплом на кафедре К.А. Холева.

По направлению наркомата начал работать на заводе города Дзержинска: начальником мастерской, сменным инженером, технологом цеха. Условия военного времени были очень тяжелы: слабое питание, круглосуточная работа /«Казарменное положение»/ во вредных условиях и не редко на рабочих точках — когда нужно было «расшить» заторы на потоке. На заводе получил офицерское звание. Там вступил в члены ВКП/б/.

В 1944 году по заданию наркома выехал на фронт в 16-ю и другие воздушные армии, где в течение 4-х месяцев занимался разбором на складах немецких боеприпасов, оставленных немцами при отступлении под натиском Советской Армии в Польше. Часть боеприпасов была использована против них же. В 1954 году по распоряжению зам. министра т.Кожевникова перевели на завод г.Донецк, где работал главным технологом, затем начальником ОТК завода.

С 1956 по 1957 год с семьей были в командировке в КНДР. Выполнив задание, по моей просьбе перевели в г.Павлоград, где работал под руководством А.М.Комиссарова в СКТБ.

С выходом на заслуженный отдых, вернувшись в Казань, работал на предприятии № 695 главным специалистом, затем осуществилась давняя моя мечта — поступил в КХТИ на родную кафедру заведующим учебной лабораторией. Вся жизнь связана с химией.

По рекомендации врачей в 1974 году уволился, но периодически продолжал выполнять работу на кафедре. Общественная жизнь: во все времена работы на заводах вел полит.кружки. В настоящее время является внештатным инспектором комитета народного контроля Вахитовского района».

Характерна для тружеников военного тыла и судьба моей приемной матери — Суфии апы, жены дяди. Она окончила КХТИ и всю жизнь проработала в оборонной промышленности на вредных производствах вместе с мужем, но при этом на ее плечи легли вначале многотрудные заботы о непослушном приемыше, а затем и двух собственных сыновьях. Особо сложно было их обеспечить питанием и одеждой в послевоенные годы, пока существовала карточная система с острейшим дефицитом абсолютно всего. Об этом можно было догадаться, когда, отпросившись на сутки с завода, Мухтар абый брал меня в многокилометровые зимние обходы деревень на правом берегу Оки для обмена пожитков на зерно и картошку.

Отметим, что в первые послевоенные годы производство боеприпасов продолжало работать в режиме военного времени — нужно было быстро восстановить до норматива боезапасы в арсеналах страны. Только с возрастом мне стало понятно, сколько чрезвычайных усилий, забот и тревог приносили продолжавшим работать по 12 часов (а при нередких ЧП и круглосуточно) приемным родителям мои разнообразные и тогда бездумные до безобразия проступки. Для примера ограничусь только одним из них.

В начале лета, еще до окончания второго класса, получив за один из проступков серьезный выговор, я решил убежать из дома и, как Ваня Солнцев из Катаевской повести «Сын полка», бродяжничать по окрестным лесам. Прихватил лучшую одежду: ватник и брезентовые сапоги (какие заводчане исхитрялись шить для детей из «списанных» материалов), стограммовый кусочек хлеба и ушел в лес, окружавший поселок и огромную охранную зону завода. Очевидные для взрослых проблемы с неудачным попрошайничеством в окрестных деревнях привели меня через неделю в Горький, куда удалось доехать на подножках тогдашних вагонов пригородного поезда с паровозной тягой. Малолетних беспризорников, соби-

равшихся в небольшие группы и ночевавших в подвалах полуразрушенных старых домов, тогда было очень много. Жили впроголодь попрошайничеством на вокзалах, волжских пристанях и, если повезет, воровством на «колхозных» рынках, где бедствующие также сельчане пытались хоть что-то продать горожанам, т.к. денег в своих колхозах не получали. При неудачах подобных попыток беспризорники на месте получали взбучку, а вечером у костров не допускались к общему котлу.

Это написано здесь с целью подчеркнуть, что многочисленное послевоенное беспризорничество было за год-два оперативно ликвидировано системой государственных мер. С наступлением предзимних холодов в Горьком проводили облавы, из пойманных беспризорников формировали отряды под контролем милиции, прошивевшую одежду после обезвреживания в жарочных шкафах возвращали остриженным наголо и помытым в санпропускниках подросткам и через детприемники размещали в многочисленных детдомах, где не обходилось без того, что сегодня в российской армии называется дедовщиной.

У приемного отца ушло более полгода на поиски непутового мальчишки по всем инстанциям, ведавшим тысячами бывших беспризорников. Только повзрослев, я с чувством глубокой вины понимаю, сколь незаслуженный позор он пережил тогда в небольшом заводском поселке: «у главного технолога сбежал приемыш». И это при том, что интеллигентная щепетильность не позволяла с необходимой строгостью наказывать усыновленного безобразника.

Надо отметить, что создание боеприпасов не только химически вредное, но и взрывоопасное производство, поэтому такие заводы и рабочие поселки изолированно располагаются далеко за окраинами города и окружаются охраняемыми запретными зонами. Заводская детвора это знала по многим семьям, в которых при нередких взрывах в цехах погибали и в мирное время отцы и ма-

тери, по порыжевшим волосам и рукам рабочих и ИТР, по желтеющим верхушкам сосен в запретных зонах и т.п.

С центром города Дзержинска поселок завода им. Свердлова связывала многокилометровая трамвайная линия с редкими остановками около перекрестков лесных дорог. Подростки приспособились кататься на самодельных лыжах и санках, уцепившись за многометровый провод, который прицеплялся к буферу второго вагона трамвая. Но это строго наказуемое развлечение было не самым опасным.

В пригородных лесах мы обнаруживали скопища трофейной танкоопасной бронетехники и пролазили разбитые танки «Тигры» и самоходки «Пантеры» насквозь, а на полянах встречали непонятные нам хорошо оборудованные блиндажи. С последним связано одно опасное приключение. В один из ясных зимних дней Мухтар абый с группой ночевавших у нас приезжих, собрав комплекты лыж, ушли явно не на завод. Я выследил и обнаружил их в одном из знакомых блиндажей по дыму из печной трубы. Вскоре над поляной стал летать самолет — «кукурузник» — и бросать на поляну какие-то предметы. Любопытного мальчишку обитатели блиндажа увидели уже около одного из этих предметов и с криками оттащили. Оказывается, это московские военпред и конструктор испытывали с заводским технологом новый взрыватель на макетах малых авиабомб.

Среди прочего ребятня сооружала самодельные пистолеты, заряжаемые с дула, как древние мушкеты, соскобленным со спичек взрывающимся при умелом поджоге веществом. Все это было строго наказуемо, но только наказаниями воспитание не ограничивалось.

Взрослые стремились отвлечь неразумную подрастающую энергию на занятия спортом, на детское техническое творчество, на художественную самодеятельность. Городские власти организовывали десятки бесплатных(!) спортивных секций, создавали центры авиа- и судомоделизма, активно рабо-

тали библиотеки, шахматные и радиоклубы, дома культуры и дома пионеров, хоровые и драматические кружки. Массовыми тиражами издавались дешевые пособия по техническому творчеству, были широко доступны популярные журналы «Знание — сила», «Техника — молодежи», «Радио» и др. Было престижно заниматься в разных секциях и при этом прилично учиться при самоотверженных усилиях и жесточайших требованиях учителей как в отношении дисциплины, так и, конечно, глубоких знаний.

Учителя работали с нами творчески и требовательно, активно готовя тех, кто был вынужден смолodu помогать семье, к переходу в ремесленные училища, в техникумы или военные училища (что обеспечивало бесплатной форменной одеждой и трехразовым питанием, а также небольшой стипендией, что было тогда весьма уважаемо), а оставшихся в старших классах — к поступлению в самые престижные вузы. Например, к сочинениям по литературе мы собирали журнальные и газетные статьи, учитель истории приучал записывать его дополнительные к учебникам лекции — «в институтах надо уметь конспектировать», учитель математики требовал не оставлять на доске ни малейших следов мела, подчеркивая, что «в институтах формулы намного сложнее». Добавим, что успешных в учебе и спорте среднеклассников — детей фронтовиков — райвоенкоматы рекомендовали в суворовские или нахимовские училища.

С учителями нам чрезвычайно повезло. Тогда во многих школах работали интеллигентные и потому любимые нами преподаватели, высланные из столиц «за неблагонадежность» с трудоустройством, как это ни парадоксально, в школах. По известным причинам тогда с детьми не обсуждались ни эти, ни куда более тяжелые формы угнетающего использования «неблагонадежных».

Не миновали репрессии и нашу семью. В связи с этим мне поручалось комплектование махоркой и отправка посылок с номером «почтового ящика»

в г. Вельск Архангельской области для старшего из поколения братьев Чабдаровых — Мусе Зиганшевичу. Он вернулся из лесоповального лагеря в середине пятидесятых годов, а был помещен туда после ареста на ранее оккупированной врагами территории сразу после ее освобождения Красной Армией. Тогда с детьми не говорили о том, что такая судьба постигла массы не только гражданских лиц, но и фронтовиков, освобожденных из плена, об огромном контингенте несчастных заключенных ГУЛАГа. Но подростки и сами видели незаслуженные трудности первых лет возвращения к мирной жизни многочисленных инвалидов войны, с недоумением сочувствуя их неуклюжим попыткам как-нибудь заработать.

Но тем и сильна молодость, что, преодолевая даже трагические невзгоды, она объективно нацелена на будущее.

Из круглых с черными бумажными диффузорами электромеханических громкоговорителей, хрипучих в отличие от современных электродинамических, подростки узнавали о восстановлении ДнепроГЭСа, возрождении стертых с земли войной Сталинграда и Воронежа. Отмена карточной системы для многих детей проявилась возможностью впервые в жизни свободной (!) купить в магазине кусочек неведомой до того ржаной коврижки...

Вместе со всей страной закаленные военным лихолетьем дети военного времени вступали во взрослую и незнакомую мирную жизнь.

Они и по сей день несут в себе спрессованный в виртуальный композит объективный комплекс всеобщего ликования победившей в беспрецедентно кровавой войне страны с горечью осознаваемых неизбежными военными потерь, а затем и ощущения запоздалости на десятилетия современных льгот и почестей ветеранам войны и военного тыла, что и отражено в общенародно разделяемых строках «...День Победы — это праздник со слезами на глазах...».

Но во все времена жизнь как обществу, так и каждой личности неизбежно

суть неразделимое единство позитива и негатива с историческим движением к лучшему.

Глубоко символично, что День Победы приходится на весну, когда вся природа, преодолев зимние невзгоды, обращается к новому расцвету жизненного многообразия.

Молодое поколение было призвано принять активное участие в восстановлении страны и ее экономики. Для этого в условиях послевоенного дефицита абсолютно всех видов резервов, а потому пресекая их нецелевые траты и, в отличие от нынешних времен — исключая их разворовывание, предусмотрительно создавались новые вузы, техникумы и ремесленные училища, приоритетно развивалась академическая и отраслевая наука, был обеспечен высокий профессионализм во всех сферах науки, культуры и производства.

Получившая в последующем признание Конгрессом США лучшей в мире система подготовки инженеров позволила уже в первые послевоенные десятилетия создать сложнейшие высоконаучноемкие отрасли радиоэлектроники, атомной энергетики, реактивной авиации и ракетостроения, а стране — стать пионером эпохи прорыва человечества в космическое пространство.

Все население было пронизано глубоким уважением к высокой квалификации рабочего, инженера, ученого, к таланту деятеля культуры и искусства.

Добросовестно прошедшие трудоемкие школы научно-технического и производственного совершенствования своих знаний и умений у выдающихся деятелей науки, производства и культуры, представители послевоенного поколения адекватно сменили старших во всей иерархии создателей успехов страны.

Думается, что этим поколение детей военного времени отдает свой долг поколению Победителей — как ныне живущим ветеранам, так и трагически погибшим участникам фронта и тыла Великой Отечественной войны.